

Анна Арис

Пока не кончится
ДОЖДЬ

Сборник рассказов

Анна Арис
Пока не кончится дождь.
Сборник рассказов
Серия «Архивы тишины», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69186793
SelfPub; 2023*

Аннотация

Когда на улице серость и дождь, нет ничего приятнее, чем заварить чашку ароматного чая и, забравшись с ногами под тёплый плед, открыв книгу, нырнуть с головой в увлекательные истории.

Открыв для себя этот сборник рассказов, вы узнаете что же находится там, за тенью, увидите полёты морфид, побываете в доме страха и услышите сказку на ночь для вампира.

Приятного чтения!

Содержание

Конец дождя	4
В доме страха	19
В этой комнате никто не живёт	29
Вечное мгновенье	33
Дракон для Андрюшки	35
Добро пожаловать в Вестерн	43
До чего же серое	59
Класс V	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Анна Арис

Пока не кончится дождь.

Сборник рассказов

Конец дождя

В этом доме дуло из всех щелей. Я держался сутки, на вторые всё-таки заболел. Дождь барабанил по черепичной крыше, по деревянным подоконникам, по каменному крыльцу.

Дождь. Колючий, как первые морозы и такой типичный для этой горной местности в конце осени.

– Это была ужасная идея, – вздохнула Эмили и поставила передо мной дымящуюся кружку.

Свинцовые тучи не пропускали ни лучика. Рассвет было совершенно невозможно отличить от позднего вечера.

Убрал мокрое полотенце со лба, я дотянулся до тумбочки, взял напиток. Керамический бок кружки обжёг пальцы. От пряностей защекотало в носу, я чихнул.

– Правду сказала, – невесело улыбнулась жена.

– Реакция на корицу, – я отхлебнул ароматный глинтвейн. – Идея была отличная, погода подкачала. Ты давно встала?

И я вновь чихнул.

Не ответив на вопрос, Эмили наклонилась и прикоснулась прохладными губами к моему лбу.

В висках тикало, сердце билось в районе горла.

– Температура не спала, – огорчилась Эмили. – И лекарств нет. Нужно ехать на заправку, там вроде нормальный магазин, – и отреагировав на моё недоверчивое хмыканье, пояснила: – У них должен быть хотя бы аспирин.

– Это всего лишь жар, пройдет.

Жена покачала головой.

– Становится только хуже. Ты всю ночь ворочался, стонал и бредил. Надо было всё-таки ещё вчера съездить на заправку.

– Брось! Это три мили вниз по горной дороге. Нужно ли рассказывать, как это опасно? Хорошо, если одно-два поваленных дерева на дороге, а если оползни? Не вечен же этот дождь. Завтра уже выберемся отсюда. Будем отмокать в горячей ванне, есть твои любимые суши из соседней забегаловки и смеяться над этим приключением.

– Да уж, «приключение» что надо. Можно сказать – удалось. Повторим на десятую годовщину?

Я криво улыбнулся. Если Эмили перешла на сарказм, это означает только одно – она невероятно зла и еле себя сдерживает.

Нехотя выбравшись из-под одеяла, я прошел к камину. Пододвинул кресло ближе к огню.

Пламя с неудовольствием облизывало сухие поленья,

трескуче плевалось. Кожей я чувствовал жар, который... совершенно не согревал. Ноги мерзли в двух парах шерстяных носков, щёки же пылали. Эмили права – мне становится хуже.

Мы так увлеклись планированием романтического уикенда в загородном доме, так хотели отпраздновать годовщину только вдвоём, что совершенно упустили из виду бытовые мелочи, вроде домашней аптечки. Впрочем, упустили мы и мелочи покрупнее, вроде отвратительной погоды в этих широтах в конце октября.

Позавтракав бутербродом с сёмгой, я снова устроился напротив камина.

Казалось, лишь на минутку я прикрыл глаза, но когда открыл их, часы над камином показывали половину седьмого. Я нашёл взглядом жену.

Эмили сидела на кровати, поджав под себя ноги, и читала. Через равные промежутки времени раздавалось глухое «щелк» – она переворачивала страницу в электронной книге.

– Сейчас утро или день? – голос звучал хрипло.

Эмили подняла глаза и улыбнулась.

– Вечер. Ты проспал весь день.

– Не может быть! – только сейчас я заметил плед на своих коленях и догорающие поленья в камине.

– Надо принести ещё дров.

– Я принесла, – Эмили кивнула в сторону двери, где аккуратной мини-поленницей лежали влажные брёвна. – Я жда-

ла, пока ты проснешься.

Она поднялась, надела кроссовки, накинула дождевик, взяла ключи от автомобиля.

– Тебя не переубедить, да? – вяло поинтересовался я. Во рту было сухо, в глаза словно песка насыпали, в висках стучало.

Правильнее всего сейчас было бы встать, отобрать у жены ключи, запретить ей куда-либо выходить. Но любое движение, даже самое простое – моргание, доставляло тупую мучительную боль во всём теле.

– Я против, – прохрипел я. Это всё на что в этот момент я оказался способен.

– Не скучай, я быстро, – как всегда Эмили проигнорировала мои возражения.

Она открыла дверь, и мелкие брызги ворвались в натопленное помещение. Я поёжился.

Дверь давно захлопнулась, а дрожь не покидала меня. Никогда не верил в плохое предчувствие, но если бы верил, то посчитал бы, что это – именно оно.

Сделав глоток воды, я вернулся в кровать и забрался под одеяло. Мерный стук капель убаюкивал. Завернувшись в одеяло, я закрыл глаза.

Мне снилась Эмили. Такая же, как в день нашей первой встречи. Непослушная чёлка, серые глаза, чуть заметный пушок над верхней губой и три еле видимые веснушки на переносице. Она сидела на скамейке напротив офисного здания,

в котором я тогда работал, и читала книгу. Обычную бумажную книгу. Толстую, в синем переплете, с золотистым тиснением на форзаце.

Солнце вдруг закрыла тёмно-фиолетовая туча, начал накрапывать дождь. А она спокойно сидела, время от времени перелистывая станицы. «Ждёт кого-то», – подумал я тогда и почти прошёл мимо.

Почти. Но что-то не дало мне спокойно идти к машине, что-то заставило подойти к незнакомой девушке, читающей книгу.

Вот из таких случайных «почти» и состоит, в конечном итоге, наша судьба.

– Вас подвезти?

– Что? – она подняла глаза.

Ни до, ни после я не видел таких глаз. Тёплый оттенок пепельного.

У серого цвета не должно и не может быть тёплых оттенков. Серый – цвет стали, цвет непогоды, цвет пыли, асфальта, бетона. И всё это опровергали её глаза – самым фактом своего существования.

– Что? – она посмотрела на меня.

– Дождь начинается, – ляпнул я первое, что пришло в голову. – Вы промокните. Я могу вас подвезти.

– Не нужно, я на машине, – улыбнулась она и кивнула на припаркованную на другой стороне улицы зеленую малолитражку.

– Но?.. – загнулся я, не зная, как озвучить недоумение.

– Книга очень интересная, – вновь улыбнулась она.

Девушка с книгой. В самом центре города. Настолько увлеченная чтением, что не замечающая спешащих людей в строгих костюмах, их насмешливо-недоумённых взглядов и начинающегося ливня. Я просто не мог пройти мимо.

Падающие капли превратились в тягучую патоку. Тонкие нити протянулись от неба к земле, сшивая две такие разные стихии.

Сине-оранжевая молния разрезала небо.

Я открыл глаза. Рокочущий раскат грома сотряс домик.

Устроившись так, чтобы видеть часы над камином, я вновь прикрыл глаза.

Я начал волноваться в половине одиннадцатого, а через сорок минут мне позвонили из местной полиции.

Дальнейшее я помню плохо. Казалось, я одновременно оглох и ослеп. Целую вечность спустя, я осознал себя стоящим на крыльце, сжимающим в руках трубку мобильного телефона. Ледяной дождь хлестал по щекам. Больно. До крика. Зачем я вышел? Я хотел бежать? Но – куда?

Конечно к ней! К Эмили.

Но зачем?

Она жива, это всё ложь! Она ждёт меня.

Где? Оползень стащил наш кроссовер и ещё один автомобиль в обрыв. Там сейчас работают спасатели. Из второй ма-

шины слышны крики, но Эмили уже достали. «Мне очень жаль», – хрипловатый, искаженный помехами голос помощника шерифа вьелся в мозг.

Мне нужно к ней! Они ошиблись. Это не моя жена!
За что?! Почему она?

Я упал на колени. Наверное, впервые в жизни я молился. Не зная верных слов и проклиная себя за это незнание.

Кажется, я что-то кричал в равнодушное свинцовое небо, низвергающее вниз ледяной осенний дождь.

Кажется, я что-то шептал в пустоту, уже после того как сорвал голос.

Кажется, я лежал, свернувшись калачиком, в позе эмбриона, на сырой, остро пахнущей гниением, листве за домом. Мял в ладонях склизкие листья и совершенно не помнил, когда и зачем оказался здесь. Не помнил, куда делся телефон и почему я так и не обулся.

Дождь барабанил по крыше, по подоконникам, по крыльцу.

– Это была ужасная идея, – вздохнула Эмили и поставила на тумбочку дымящуюся кружку.

Я резко распахнул глаза и сел. Заботливо уложенное на мой лоб холодное полотенце упало на пол.

– Тебе лучше? – с сомнением спросила жена. – Выглядишь как зомби. Поднять подняли, а разбудить забыли.

Эмили наклонилась и прикоснулась прохладными губами

к моему лбу. Огорченно причмокнула.

– Надо за лекарствами съездить. У заправки, что мы проезжали позавчера, я видела магазинчик. У них должен быть хотя бы аспирин.

– Нет! – я резко схватил её за руку.

Видимо, схватил слишком резко и сжал пальцы слишком сильно. Эмили ойкнула и со страхом уставилась на меня. Я разжал пальцы.

– Прости. Просто там такой дождь. И дорогу ты не очень хорошо знаешь.

– Предлагаешь остаться и дать тебе помереть от банальной простуды? – Эмили приподняла бровь. – А что? Отличная идея. Маленькая арендованная хижина в лесу. Не так ли начинаются все фильмы ужасов? Вот уморю тебя, получу наследство и с любовником на Гавайи двину.

Не смотря на нарастающую головную боль и неутраченную тревогу, я рассмеялся. Эмили шутит. И она не погибла на горной дороге. Может быть, я бредил? Может, мне всё приснилось? Вот она Эмили. Живая! Вот она поставила на тумбочку чашку с глинтвейном. Вот она пошутила. У меня жар. У меня был бред.

– Хорошо, что нет никакой приметы на тему «как встретишь годовщину свадьбы, так и следующий год проведешь», – Эмили улыбнулась и подошла к окну.

Глинтвейн обжигал горло, но его тепло потихоньку меня успокаивало.

– Знаешь, – вдруг серьезно начала Эмили. – Мне раньше казалось, я не люблю дождь. Просто ненавижу. Мурашки по позвоночнику от звука капель. Как от царапанья пенопластом по стеклу. Брр.

Она замолчала. Я сделал ещё глоток.

– А сейчас тебе дождь вдруг понравился?

– Неа, – она отошла от окна и упала на кровать поверх одеяла. – Я просто не придаю этому значения. Мне всё равно, что на улице – дождь, снег или солнце. Я с тобой. Этот факт может примирить с некоторыми неудобствами.

– Если ты повторишь это на нашей пятидесятой годовщине, я буду считать, что правильно выбрал себе жену.

Она расхохоталась.

Если бы меня попросили назвать один момент из всей моей жизни – всего один момент – в котором я бы хотел задержаться как можно дольше, я, не раздумывая, назвал бы этот.

Меня разбудил звук двигателя. Он прорывался сквозь монотонный стук капель как голос диктора сквозь радиопомехи.

– Нет!

Я кубарем скатился с кровати и, путаясь в цепляющемся за ноги одеяле, рванулся к двери.

– Эмили!

Ответом мне была тишина и отдаляющиеся габаритные огни кроссовера.

Через сорок минут мне позвонили.

– Это была ужасная идея! Мне говорили, что мужчины как дети, но что в первую годовщину своей свадьбы я буду нянчиться с одним из них, я даже не предполагала.

Эмили поставила кружку на тумбочку и картинно сложила руки на груди.

Я сдвинул мокрое полотенце с глаз и забыл, как нужно дышать.

– Да-да, я с тобой разговариваю, – продолжила жена. – Не притворяйся спящим.

– Эм, – я приподнялся. – Какой сегодня день?

От её деланной злости не осталось и следа, она подошла и коснулась губами моего лба.

– Становится хуже, – обеспокоенно сказала Эмили. – Где мы находимся помнишь? Мы скоро отсюда выберемся. И я оторву Ирене язык за то, что посоветовала это «чудесное место, вдалеке от цивилизации, с изумительным видом из окна и полной и совершенной уединенностью», – изобразила жена голос не знакомой мне Ирены.

Не смотря на её попытку пошутить, она была крайне встревожена. Нервозность сквозила в её улыбке, напряжение чувствовалась в движении её пальцев.

– Эм, в чём дело?

– Всё в порядке, – тихий, бесцветный голос.

– Ты тоже болеваешь?

– Всё хорошо. Правда. Мне нужно съездить тебе за лекарствами.

– Нет!

– Я ненадолго, – спокойно произнесла она. – Дождь почти закончился. На дороге везде указатели поворотов, не нужно быть асом, чтобы добраться до заправки.

– Эм, нет. Послушай, просто останься сейчас здесь.

Я взял её ладони и посмотрел в глаза. Тёплый пепельный. Словно солнечные лучи сквозь серые тучи.

Она покачала головой.

– Мне нужно, – сказала она.

Слова неприятно царапнули.

– Съездишь завтра, – предпринял я ещё одну попытку.

– Ночью тебе опять станет хуже. Я быстро. Так нужно.

«Мне нужно». «Так нужно». О чём она, чёрт возьми?!

– Ты никуда не пойдешь! – крик скатился в хрип. Эмили оттолкнула меня, и как была, в свитере и джинсах, выскочила под дождь.

Пикнула сигнализация, хлопнула дверь автомобиля.

Путаясь в одеяле, я скатился с кровати, на ходу натянул кроссовки и выбежал за дверь.

Утопая по щиколотку в многочисленных лучах, я бросился к машине и успел открыть дверь, до того, как Эмили завела мотор.

Упав на пассажирское сидение, я мгновенно почувствовал, как подо мной скапливается небольшая лужица.

– Эм, не глупи. Вылезай из машины, пойдём домой, – начал я и осекся, заметив, что подтеки на её лице не от дождевых струй.

Слёзы?

– Что?.. – я хотел спросить «что случилось?», но горло будто сжала невидимая рука. Я так и остался сидеть с открытым ртом.

– Прости меня, – она разрыдалась. – Мне правда нужно сейчас ехать. Если я не успею – они погибнут. Снова.

– Снова? – слово вырвалось с тихим шипением. С таким звуком выходит воздух из воздушного шарика.

– Этот день, – всхлипнула жена. – Он повторяется.

Меня пронзил холод. Ледяная волна прошла по позвоночнику, казалось каждый волосок на теле приподнялся от ужаса. Она тоже это чувствовала? Она тоже это переживала?! Но почему ничего не сказала?

А я почему не сказал? Почему и зачем всё происходит?

Что здесь вообще происходит?!

– Эм...

– Прости меня, – слёзы, не переставая, лились по её щекам. – Я не знаю, как так получилось. Всё случилось так быстро. Почти мгновенно. Я видела, как они обогнали меня – тёмный минивэн. В первый момент это меня взбесило. Я тоже спешу, это горная дорога, так какого чёрта они ещё и обгоняют?!

– О чём ты, Эмили? Что ты говоришь? Этот день – он тоже

повторялся для тебя?

Она продолжала говорить, словно не слышала меня.

– В той машине была девочка. Девочка на заднем сидении. Она улыбалась. Даже сквозь проливной дождь, я заметила её улыбку. И двух человек спереди. Только фигуры, но воображение уже дорисовало семью: мама, папа и дочка. Улыбающаяся в такую непогоду. И когда по крыше авто стукнуло, я всё поняла. Не знаю как, не знаю почему. Я ведь почти ничего не знаю о горных дорогах. Но тут я всё поняла.

– О чём ты? – я развернулся и схватил её за плечи.

– Селевой поток. Они бы не успели проскочить, – спокойно произнесла жена. – И тогда я всё решила. Им главное не попасть в основной поток. Со всех сил я надавила на газ и...

– Ты врезалась в их машину?

Она кивнула.

– От удара, по инерции, их автомобиль полетел вперёд, а я... мою машину опрокинуло и всё завертелось, я думала только об одном – надеялась только на одно – чтобы их не сильно задело.

Обескуражено я сидел, не в силах даже сформулировать свои вопросы.

– Понимаешь, – жена запнулась, вытерла щёки. – Плохие дни случаются у любого. Иногда ужасные вещи просто происходят. Чудовищная несправедливость. Это может случиться с кем угодно, понимаешь? Но никто – никто – не имеет право губить чужие жизни.

– Ты могла просто остановиться, сдаться назад, вернуться ко мне. Вызвать отсюда спасателей, полицию, кого угодно. Ты была бы жива! Ты могла бы... – наткнувшись на её взгляд, я осекся. И всё понял: – Ты не могла.

Она продолжила:

– Даже если бы они меня не обогнали, это всё равно была бы я... И когда на следующий день после аварии я проснулась здесь, я восприняла это как второй шанс, и я подумала, – она сглотнула, – чтобы ни случилось со мной... никто не погибнет.

Дождь барабанил по капоту, отзываясь глухими ударами в груди. И казалось, что дождь идёт в такт сердцебиению.

– Прости, я не думала, что этот «день сурка» будет и для тебя. Что он будет... таким тяжелым.

На секунду зажмурившись, я глубоко вздохнул и потерял глаза. Голова внезапно перестала болеть. Мне вдруг стало так легко и спокойно, словно я принял самое правильное решение в своей жизни.

– Иногда, – я улыбнулся Эмили, – самые тяжелые вещи одновременно самые ценные.

Слёзы снова навернулись на её глаза. Я взял ключи из её руки и вставил в замок зажигания.

– Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих...

– Это из библии, – удивлённо произнесла Эмили и улыбнулась: – Никогда не была религиозна.

– Я тоже, – я смотрел на неё не в силах даже моргнуть. Ка-

залось, отведи я взгляд даже на миг, и – она пропадёт, растворится в сырой мгле. Легенда об Орфее и Эвридике наоборот: отвернись – и всё исчезнет.

– Всё будет хорошо.

– Всё хорошо. Пока не кончится дождь, – прошелестело в ответ.

Или это произнесла Эмили?..

Я надавил на педаль газа.

Мы успеем.

Мы должны успеть.

В доме страха

- А ты пробовал искать ключ от своей жизни не под фонарем, потому что там светло, а вне фонаря?

- Дело в том, что вне фонаря – темно и ничего не видно.

- И именно поэтому ты находишь всё что угодно, но только не то, что ищешь. Вернее не так: ты упорно ищешь не то, в не том месте. А выход, на самом деле там же, где и вход – нужно просто потушить фонарь и подождать пока глаза привыкнут к темноте...

Я мастерски вписался в достаточно крутой горный поворот и остановил машину. Двухэтажный дом весело подмигивал мне стеклами, отражающими весеннее солнце. Выложенная мелкой брусчаткой дорожка вела от калитки до самого крыльца. Весело скрипнув, открылась входная дверь.

Я переступил порог.

Насколько мне понравился этот дом внешне, настолько удручающее впечатление он производил изнутри. Серый ковролин, белёсые обои с темными пятнами какого-то орнамента, лампы дневного света под самым потолком. Крохотный коридор заканчивался столовой, о чем свидетельствовал длинный деревянный стол.

Заперев входную дверь на ключ – странное действие: в наше время все замки закрываются автоматически – я поднялся на второй этаж.

Н-да. Аскетичность и холодность первого этажа с лихвой окупалась роскошью второго. Тяжёлые шторы с длинной бахромой украшали даже коридорные окна. Я открыл дверь первой комнаты: спальня – широкая кровать темного дерева занимала большую часть пространства. Переступив порог, я бросил на кровать пиджак и вздрогнул, затылком почувствовав чей-то пристальный взгляд.

Я обернулся. Параллельно входной двери, на простеньких с виду обоях, висела картина в массивной золоченой раме. Я даже не удивился: в этом доме всё или слишком или отсутствует.

Светло-голубые глаза изображенной на полотне женщины, казалось, цепко фиксировали всё происходящее в комнате. Я подошел ближе чтоб рассмотреть портрет: поразительно контрастирующая со светлыми глазами очень темная кожа, смоляные волосы, зачесанные назад, широкими волнами уходящие от лба на затылок... В бывшей хозяйке этой спальни тоже всё было слишком. Хотя было в неё и что-то неуловимо знакомое...

Повинуясь минутному порыву, я провел рукой по раме. С правой стороны пальцы нащупали какой-то посторонний прямоугольный предмет. Я вытащил его: конверт, пожелтевший, пыльный, без надписей. Вертя его в руках, я решал, что

с ним делать: вскрыть или вместе с картиной отправить на помойку. Любопытство всё же пересилило – на ладонь выпал крохотный ключик, такой плоский, что был совершенно не ощутим в конверте.

Интересно, что он открывает? Я оглядел комнату. Всё та же кровать, платяной шкаф, не уступающий ей по массивности, стол с зеркалом, вроде такие называются трюмо или что-то в этом роде, ковер, много пыли. Я подошел к столу и заглянул под него: может там сейф? Хотя, какой там сейф... я чихнул – опять пыль. Нет, всё-таки странный дом: на первом этаже мне показалось стерильно чисто, хотя в архиве написано, что дом простоял запертым около 50 лет. Пытаясь выпрямиться, я стукнулся головой о столешницу и, ойкнув, сел на пол.

У самой стены под кроватью темнело что-то продолговатое. Держась одной рукой за ушибленную часть головы, я протиснулся под кровать и вытащил предмет, при ближайшем рассмотрении оказавшийся деревянной шкатулкой. Я повертел её в руках. Красивая: испещренная вырезанными цветами с инкрустацией камнями. Заперта. Должно быть ключик к ней? Проверим. Крышка распахнулась с елѐ слышным щелчком, выпустив из своих недр облачко пыли. Вновь чихнув, я вытащил из неё сложенный вчетверо лист бумаги.

Округлый, летящий почерк – должно быть, писала женщина. Я инстинктивно понюхал бумагу. Так и есть – еле уловимый запах мускуса и ванили.

"Мой дорогой Артур! Не сомневалась в тебе – ты сразу же поднимешься в мою спальню и, конечно же, догадаешься найти шкатулку – я столько раз тебе на неё намекала. Я рада и разочарованна безумно, что мне приходится так с тобой поступать, но, думаю, ты поймёшь меня, а может, будешь даже гордиться, на что я в тайне надеюсь..."

Любовное письмо?

"Артур, мы должны быть вместе, несмотря ни на что, и именно поэтому тебе не удастся покинуть этот дом до 16 часов 27 апреля".

Бред какой-то. 27 апреля – сегодня. Отложив хрупкую бумагу, я спустился вниз – забрать вещи из машины.

Входная дверь не открывалась. Ключ сломался у меня в руках: большая его часть намертво застряла в замке. Я попытался высадить дверь плечом, но она не поддавалась, хотя и казалась на редкость хлипкой.

Я прошел через столовую в кухню, предполагая, что именно там расположена задняя дверь. Двери не оказалось, как впрочем, и помещения, которое могло бы называться кухней. Просторная обеденная зона с одним единственным столом заканчивалась такой же просторной кладовой, не носящей даже признаков существования в ней когда-нибудь помещения для приготовления еды.

Возвращаясь в коридор, я заметил коричневый конверт на столе. Да что это такое? Разорвав его, я вновь обнаружил письмо.

"Мой дорогой Артур! Пойми – это бесполезно. Дом в данный момент абсолютно неприступен как изнутри, так и снаружи. Если ты не веришь мне, убедись сам – топор в подвале. Если же ты принимаешь моё предложение – пистолет с одним патроном ты найдешь в моей спальне.

P.S. Поверь мне, это наилучший выход.

P.P.S. Люблю, твоя ... (подпись неразборчиво)".

Чертовщина какая-то! Я не Артур! Моё имя Энтони! И больше всего на свете, я уже хочу просто отсюда выйти!

А ведь я ещё сомневался ехать сюда или нет, когда нашел в бумагах недавно скончавшегося отца дарственную от некоего мистера Кофлина на этот дом. Естественно, моему удивлению не было конца, когда я увидел дату дарственной – почти 20 лет назад! Да и приехал я сюда только затем, чтоб понять, почему отец не воспользовался своим правом, не въехал сюда или не продал дом, и почему молчал все эти годы.

Моё теперешнее положение усугублялось ещё тем, что я оставил сотовый в машине, а тут, как вижу, телефонной линии сроду не бывало.

Отлично!! Заперт в старом доме на отшибе цивилизации!
Где там топор?

Дверь не поддавалась: топор мягко входил в рассохшуюся древесину, но существенного урона ей не приносил. Окна первого этажа, закрытые плотными ставнями, не открывались. Более того, мне не удалось даже разбить стекла!

На втором этаже дело обстояло почти так же безнадежно:

ставен не было, зато имелись массивные кованые решетки, одного взгляда на которые хватило, чтоб понять – выломать их невозможно.

Я вновь спустился в подвал, чтоб посмотреть, чем еще можно попытаться воспользоваться на пути к свободе.

В тусклом освещении абсолютно пустого подвала, меня встретила надпись на стене: "ПОМНИШЬ?". Я не заметил её в прошлый раз? Маловероятно. Да что здесь творится?

Стена на ощупь была сухая и растрескавшаяся. И полая. Под ударом топора кладка легко обрушилась – на меня смотрели пустые глазницы черепа, обтянутого серой пергаментной кожей, с прилипшими к ней нитями черных волос.

Горло судорожно сжалось. Стало больно дышать, словно весь воздух из этого подвала с момент исчез. В виски гулко стучали невидимые молоточки. А ещё пришла боль. Невыносимая, идущая откуда-то изнутри. А потом крики вырвались из парализованного горла и разнеслись по дому булькающими звуками.

Я обливался потом, стоя перед этим ужасающим телом с топором в руках, и боялся даже пошевелиться.

Опомнившись, я с трудом поднялся на второй этаж. Голова кружилась, желудок судорожно сжимался. В голове пульсировали, путаясь и перемешиваясь, только две мысли:

"Я нашёл тело, замурованное в стену!"

И

"Я не могу выйти из этого чёртового дома!"

В письме говорилось про пистолет? Забыв про слабость, я влетел в спальню. Пистолет лежал на столе на самом видном месте. Я не мог его не увидеть, находясь здесь в прошлый раз! Господи, да что же это...

Взяв пистолет, я подумал, что никогда никого не убивал, кроме ос и комаров, но теперь чтобы выйти отсюда, убью не задумываясь.

В надежде найти хоть какие-то подсказки, поднял шкатулку – на дне лежало ещё одно письмо. Чудеса продолжают – хмуро подумал я.

"Милый Артур! Я думаю, ты уже обнаружил тело в подвале. Не спеши открывать остальные двери второго этажа – поверь мне: тебе не понравится то, что увидишь. Просто дождись 16 часов, и мы будем вместе навсегда.

Люблю, ... (неразборчиво)"

Странная, противоречивая природа человека – когда говорят "не ходи", "не смотри", человек всенепременно идет и смотрит.

За первой, от спальни, дверью стоял зыбкий полумрак. Я пошарил по стене – выключателя не было, но я тут же заметил настольную лампу, стоящую на низеньком столике, и включил свет. Тела, в разной степени разложения, были повсюду. Сознание успело отразить лишь некоторые из них до того, как я упал в обморок: молодой человек в военной форме сидящий на стуле, под безжизненной рукой которого валялся револьвер; девушка, с синим лицом и выпученными

глазами; ребенок с белым вздувшимся телом.

Я лежал в полубреду на деревянных досках, и мне мерещилось, как они тянут свои мёртвые руки, с молчаливым укором заглядывают в глаза. Придя в себя, я отполз от жуткой комнаты к лестнице, не поднимаясь на ноги, прислонился к стене. Ужасная мысль, нелепая по своей сути, как и всё происходящее, копошилась в моей голове:

"Господи, неужели это я... их убил... но как? Когда? За что?"

"Не может быть" – я мотнул головой, отгоняя навязчивые образы. Кто угодно только не я! Я всего лишь средней руки клерк в паршивом городском банке.

"Нет"

"Да, это ты причастен к гибели этих людей, прямо или косвенно. Дождись 16 часов..." – зелёный стикер был приклеен к перилам.

Я отшатнулся от него как огня и попытался встать – рука скользнула по половицам и наткнулась на толстую тетрадь.

Еле сдерживаясь, что б не пустить пулю себе в лоб, я дотронулся до переплёта. Тетрадь, словно только этого ждавшая, распахнулась:

"...Этот дом – перекрёсток прошлого и будущего. Тебе уже не выбраться из него, как когда-то не сумела выбраться я. Но человеческая душа бессмертна, и поэтому мы живём вечно. В разных эпохах, с различными именами. Человек не умирает окончательно, он – называй это как хочешь:

реинкарнация, переход, перевоплощение – переходит в новую жизнь. Со своим грузом грехов и добродетелей, но лишенный памяти. Это замкнутый круг. Данте писал о семи кругах ада. Нет, друг мой, круг всего один.

Твой отец не решился заглянуть в глаза своим демонам. Да, думаю, он подозревал об определенных "свойствах" этого дома. Более того, в определенный момент своей жизни каждый человек может обнаружить дарственную на отличный домик в горах... если грех его перед лицом всевышнего велик.

С точки зрения вечности, нет таких понятий как "прошлое" и "будущее", есть лишь вечное "сейчас".

Подумай об этом. Сейчас.

Люблю, ...(неразборчиво)".

Я бросил взгляд на часы: 15.00. Что должно случиться в 16.00? Что?!

В панике я кинулся к двери – не открыть. Окна – ставни и решетки.

Стоп. Кажется, в той комнате решеток не было. С трудом пересиливая дрожь в ногах и тошноту, я открыл проклятую дверь – так и есть окно лишь застеклено. Окрылённый надеждой, осторожно чтоб не наступить на тела, я пробрался к окну. Локтём выбил стекло и, зажмурившись, прыгнул со второго этажа.

Кусты под окнами смягчили падение. Я бросился к машине и уже через двадцать минут мчался по скоростному шос-

се.

При въезде в город я вдруг вспомнил, что договорился с невестой встретиться в кафе. Припарковав машину, я решил пройтись пешком, чтоб хоть немного успокоиться после происшествия с домом. Руки до сих пор тряслись.

Завернув за угол, я вздрогнул.

Навстречу шла Джоанна. Ветер играл её волосами цвета вороньего крыла.

– Привет, – она поцеловала меня в щеку.

Кажется, я знаю, что делать. Знаю, как разомкнуть этот круг.

– Привет, – я заглянул в её светло-голубые глаза. – Дорогая, я должен показать тебе отличный домик. Думаю, нам там будет уютно после свадьбы.

Перед внутренним взором мелькнула и тут же пропала картинка тускло освещенного подвала, где я нашел первое тело.

Грань, разделяющая прошлое и будущее, исчезла.

В этой комнате никто не живёт

«Видите ли вы то, что происходит вокруг нас? Замечаете ли вы это?»

День за днем, год за годом это становится все более явно...

Создаётся впечатление, что с миром происходит что-то неправильное, что большинство людей спят. И так и живут во сне. Со всех сторон идут сильнейшие потоки информации завлекающей внимание человека в самые разные ловушки.

По телевидению и радио, из газет и журналов, рекламных щитов, на общественном транспорте – внутри и снаружи, из почтовых ящиков – людей просто постоянно зомбируют. Людям не дают проснуться.

Делается все возможное, чтобы вогнать людей в этот сон еще сильнее.

Что же происходит и что будет дальше?

И ведь не видно зла, с которым нужно бороться...»

Василий еще раз внимательно перечитал написанное и путём нажатия кнопки «Опубликовать» отправил гулять своё творение человеческой мысли в необъятные просторы Интернета.

Затем взял со стола ручку по привычке покусал её и, обернувшись, чуть не свалился со стула.

На диване, поджав под себя ноги и закрыв глаза, сидел че-

ловек. Василий поморгал, потряс головой, пребольно ущипнул себя на руку, но человек и не думал исчезать.

– Ты кто? – не нашёл ничего умнее этого вопроса Василий.

Человек приоткрыл один глаз.

– Зло.

– Что? – растерялся Василий, – то есть кто?

Человек открыл оба глаза и посмотрел на Василия как на неисправимого идиота.

– Зло, дурень.

– В смысле, – в конец растерялся Василий.

– «И ведь не видно зла, с которым нужно бороться...» – процитировал человек недавний комментарий Василия на одном Интернет форуме. – Вот оно я. Борись. Как бороться собираешься? – буднично спросил он.

– А зачем? – глупо брякнул Василий, решив, что кто-то из них двоих точно спятил.

– Ну что ж, – вздохнул Зло, – как я собственно и думал, в мире нет ничего нового. Идет извечная борьба добра со мной. Но только на словах.

Василий часто-часто захлопал ресницами, пытаясь переварить полученную информацию, а Зло тем временем слез с диванчика и переместился на кресло напротив Василия.

– Ну, – Зло выжидательно посмотрел на Василия.

Василий ойкнул и перекрестился. Сначала справа налево, затем слева направо.

– Что и тебе нужны доказательства? – недобро прищурился человек, назвавшийся Злом. – Ой, как вы все мне надоели...

Ворча, он повел рукой в воздухе, и на диванчике материализовалась блондинка с длиннющими ногами.

Василий открыл рот и сделал попытку перекрестится, но так и замер с карикатурно поднятой рукой.

– Как тут грязно, – девица надула и без того пухлые губки. – Ой, а что я тут делаю? Ой, а где это я? Ой, а это кто? – наманикюренный пальчик указал на застывшего в изумлении Василия.

– Ну что? Хороша? – буднично поинтересовался Зло.

– Зачем она? – вышел из ступора Василий.

– Да я ж, на то и зло, чтобы искушать... и потом... ты что ожидал получить котеночка в подарок, требуя доказательств?

– Да ничего я не требовал! – вышел из себя Василий. – Приперлись тут, я вас не звал. Её притащили. А ну, убраться немедленно!

– Как скажешь, – развел руками мужичек.

И ничего не стало. Ни блондинки с надутыми, как два воздушных шарика губами, ни мужичка, ни самого Василия.

– Что же хорошего в том, чтобы знать с кем бороться? – рассудительно спросил Зло у мерцающего компьютера. – Ладно, я умываю руки. Ах, да, – он хлопнул себя по лбу, – не забыть бы сказать соседям, что в этой комнате теперь ни-

что не живёт. А то не заметят ведь... а всё таки квадратные метры...

И растаял в воздухе.

Вечное мгновенье

Ночью в музее особенно тихо.

С наступлением темноты из залов исчезают все звуки: осторожные шаги, восторженное дыхание посетителей и даже их, казалось бы, беззвучные, взгляды.

Ночью в музее особенно темно.

Лунный свет осторожно пробираясь сквозь плотно зашторенные окна, блуждает по музейным экспонатам. Восхищается белизной мраморных статуй, отражается на хрустальных подвесках люстр, блуждает по масляным мазкам картин.

На правой стене, недалеко от колонны, висит портрет в неброской овальной раме.

С потемневшего от времени холста лукаво смотрит темноглазая девушка. Она сидит в полуоборота и кружевные ленты шляпки, падающие на открытые плечи, почти сливаются с ее белой кожей. Не смотря на паутину трещин раскалывающих краску, видно, что изображенная девушка – удивительной красоты. Днем у этой картины всегда подолгу стоят посетители, гадая кому улыбалась красавица.

Лунный лучик скользнул по волосам незнакомки.

Она вздрогнула и выронила из рук книгу.

Время смазалось и повернулось вспять.

Вечер. Осень лениво гоняет по бульвару пурпурные листья.

Она подняла книгу и отряхнула пыльную обложку.

– Доброго вечера, мадмуазель, – перед ней стоял, улыбаясь, темноволосый мужчина.

– И вам тоже, сударь, – девушка недоуменно посмотрела на него.

Высокий, подтянутый, кареглазый, синий элегантный костюм, темный плащ накинут на плечи.

– Вы позволите присесть?

– Конечно.

– Спасибо, вы очень добры... – мужчина небрежно откинул полы плаща и сел.

В этот момент кто-то окликнул девушку, и она обернулась на мгновение... Да так и осталась на холсте – остановившимся на вечность мгновением.

Лучик метнулся на колонну, а затем на противоположную стену и исчез – ночное небо затянуло тучами.

А кареглазый художник на портрете, висевшем на соседней стене, улыбнулся своей бессмертной возлюбленной и получил солнечную улыбку в ответ.

Не верь тем, кто говорит, что ночью в музее особенно тихо. И темно.

Дракон для Андрюшки

Андрюшка – самый трусливый мальчишка в школе. Даже первоклассник Даниил, проревевший весь первый учебный день, и то смелее него. Так размышлял Андрюшка, сидя на битумной крыше вышеупомянутой школы. Как только закончился этот постыдный урок физкультуры, он сразу же влез сюда по внутренней пожарной лестнице, и теперь с тоской думал о том, как появится завтра на уроках. Если появится... А ведь они с друзьями ещё хотели в царя горы поиграть. Наверное, друзья и играют. Без него. И, конечно же, думают что Андрюшка – самый трусливый мальчик в школе.

– А может и на свете, – Андрюшка произнёс эти слова вслух и пнул мелкий камешек под ногами. – Я – трус.

Слово не воробей – вылетит, не поймаешь, говорит бабушка...

– Я – трус, трус, – повторил Андрюшка.

Ему хотелось вместе со словами выплеснуть весь свой страх, всё своё унижение... и всю свою ненависть к себе. Выпустить.

Андрюшка подошел к краю плоской крыши, лег животом на бетонный парапет. Голова тут же закружилась, к горлу подкатил горьковатый комок, пальцы рук похолодели, а сердце подпрыгнуло и сжалось.

Андрюшка Птицын, ученик четвёртого класса «А» 148

школы, словно в насмешку награждённый судьбой такой фамилией, ужасно боялся высоты.

И теперь об этом знает весь класс.

Андрюшка отошел к деревянному ящичку, запрокинул голову – пусть глупые слёзы даже не надеются – он не станет плакать. Да, он струсил, но он не плакса.

Постояв так минуты три, он сел на пыльные доски и достал из портфеля разноцветную потрёпанную книгу. «Сказки» значилось на некогда твёрдой обложке. Книга не обижалась за эту обтрёпанность, ведь если тебя часто читают, трудно сохранять новенький вид.

Андрюшка втянул носом воздух и открыл свою любимицу.

На первой странице был нарисован дракон.

Серебристо-молочную спину гигантской рептилии украшали золотистые шипы, сходящие на нет к началу хвоста, отчего длинный, толстый хвост казался беззащитным. Крылья нарисованного дракона были разноцветными: словно художник, пожалев красок на туловище, с лихвой одарил их красочностью радуги.

Одной из когтистых лап дракон цеплялся за тонкий флюгер высокой башни каменного замка, другой держал за талию девушку с развивающимися волосами.

В сказке, к которой была эта иллюстрация, рассказывалось о злом драконе, похитившем принцессу и о множестве отважнейших рыцарей, приходивших её спасать. Но

Андрюшка не любил эту сказку: он ей не верил. Не может такой красивый дракон быть плохим! Поэтому он придумывал свои сказки. Ведь Андрюшка-то знает, что автор книжки ошибся и драконы на самом деле хорошие, сильные, красивые и смелые... Смелые...

– Ну вот, ты и дома, – сказал Дракон и приземлился на коричневатую крышу восточной башни замка.

Принцесса, перелезла через шип на его шее и, хватаясь за чешую, соскользнула по лапе на хрусткую черепицу. Дракон подхватил её, втянув когти, и, обвив хвостом кованый флюгер, свесился с крыши, поставив принцессу на подоконник её комнаты. Как и полагается, располагающейся на самом-самом верху самой-самой высокой башни.

Принцесса, исчезнув на миг за плотными шторами, показалась вновь.

– Слушай, а ты давно был в Двадцать седьмом королевстве?

– Давно, – ответил Дракон, в задумчивости прикрыв глаза прозрачными веками. – Кажется, там растут эти забавные деревья с пушистыми плодами.

– Персики. Да, там, – кивнула принцесса и села на широкий подоконник.

– А что?

Принцесса замялась, опустила глаза.

Дракон отступил на крышу, потянул уставший хвост, и вновь обвив им флюгер, повис напротив окна.

– Говори уж!

– А короля их знаешь?

– Знаю. Виделись пару раз. В чём дело?

– Понимаешь, отец тут решил турнир устроить, – щеки принцессы порозовели. – Вроде как состязание за мою руку.

– И что? – Дракон зевнул. – Обычная практика.

– Отец хочет одним из пунктов состязания, ключевым, между прочим, организовать сражение с драконом.

И без того узкие зрачки Дракона сузились.

– Я подумала, что ты не возражаешь... – принцесса заёрзала.

– Осторожно, свалишься. – Дракон подставил лапу под ноги девушки.

– Ну, пожалуйста-а-а-а...

– Блин, ну никогда не мог отказать принцессам, – пробормотал Дракон. – Как я понимаю, короля Двадцать седьмого королевства не калечить?

– Ага, – закивала обрадованная принцесса. – Он мне больше всех нравится...

– Ну раз нравится, – Дракон переступил задними лапами, посыпалась черепица, – совет вам да любовь. И почему у вас, у принцесс, всё так сложно. Без турнира – никаких тебе гулянок. На свадьбу пригласишь?

– Само собой – ты, как-никак, свидетель со стороны невесты!

Это в только сказках драконы страшные, грубые, агрессивные и не дружат с принцессами, на самом же деле всё по-другому. Жизнь... она, знаете ли, поинтереснее сказок будет.

Хотя... использовать имидж «злого дракона» иногда тоже бывает полезно.

– И когда событие?

– Свадьба? Еще не знаю. Осенью, наверное. Столько приготовлений, столько хлопот...

– Я о турнире? – перебил её Дракон.

– Недели через три.

– Мне тут по делам слетать надо.

– Эй, а как же лунное затмение? Мы же договорились к морю слетать! Там в темноте лучше видно, а здесь весь город в факелах – что на небе и не разглядишь!

– К затмению, как раз и вернусь, – заверил её Дракон.

– Тогда удачи! – принцесса встала на подоконник и, держась одной рукой за каменную кладку, вытянулась на встречу Дракону.

Дракон наклонил голову и вытянул шею, чтоб девушке было удобнее его обнять: ритуал прощания которому уже без малого двадцать лет.

Из окна самой высокой башни самая прекрасная принцесса махала рукой своему другу, пока он кружил над замком,

разминая крылья.

Дракон то нырял в облака, то, фыркая и жмурясь от удовольствия, устремлялся прямо к жгучему солнцу. Он наслаждался небом, полётом и ветром. В этот момент полной свободы, он сам был подобен солнцу: чешуя сверкала в лучах заката, будто блики на водной глади... А внизу проносились разноцветные многоугольники: зелёный – лес, желтоватый – поле спелой ржи, голубой – море, темно-синий – океан... белый дым заводов, блестящие громады небоскребов, серые змейки автострад... Всё ближе и ближе квадрат обычной городской школы № 148.

Андрюша вздрогнул: он так замечтался, разглядывая картинку, что ему вдруг почудилось горячее дыхание дракона за спиной.

– Там никого нет, – твёрдо произнёс мальчик и обернулся.

На него смотрели немигающие фиолетовые глаза с кошачьими зрачками.

– Дракон, – сказал Андрюшка.

– Дракон, – согласился Дракон.

– Ты прилетел ко мне?

Дракон кивнул и, совсем по кошачьи сел, обвив лапы хвостом.

– Ты такой большой, – сказал Андрюшка и зажмурился, – и яркий. И смелый.

– А ты, разве не смелый? – удивился Дракон. – Ты же не испугался меня.

– Это потому что ты добрый.

Дракон хмыкнул.

– Ты чего здесь один сидишь?

– Я... – Андрюшка замялся, – мне стыдно.

– Стыдно, – произнёс Дракон по слогам, – за что?

– Я струсил. На физкультуре надо было ползти, то есть подтягиваться, по канату вверх. Ну, упражнение такое. Забираешься до потолка и скатываешься вниз. – Андрюшка вздохнул. – Я струсил и сбежал.

– Почему? – удивился Дракон.

– Я высоты боюсь, – покраснел до кончиков ушей Андрюшка.

Дракон вытянул шею.

– Забирайся!

Андрюшка вскочил на ноги.

– Я... что?

– Забирайся. Драконы – лучшее средство от страхов.

Андрюшка ухватился руками за шип на шее Дракона и подтянулся.

Андрюшка ухватился за канат и подтянулся. Ещё раз, ещё раз, и ещё раз. Дотронувшись пальцами до потолка, он стал

спускаться и вдруг сорвался. Верёвка обожгла ладонь, Андрюшка вскрикнул и выпустил её.

На самом деле падать на мат ничуть не мягче, чем на голый пол. Даже с высоты в полтора метра. Андрюшка приготовился к удару, но почувствовал лишь упругий толчок и сильные руки, приводящие его в вертикальное положение.

– Порядок?

Андрюшка кивнул.

– Зачёт, Птицын! – похлопал его по плечу учитель физкультуры.

После уроков, Андрюшка забрался на крышу.

Дракон был там, смотрел на закатное солнце. Его белая чешуя, отражая вечернее небо, отливала бронзой.

– Спасибо тебе, Дракон.

Андрюшка обнял его за шею, как совсем недавно обнимала принцесса.

– Я больше не боюсь высоты. Только, знаешь, я всё-таки сорвался, но не ударился, а как будто завис... ну... понимаешь, как ты...

Дракон наклонился и посмотрел на Андрюшку своими добрыми глазами.

– Когда человек избавляется от своего страха, он сам становится немного драконом.

– Сильным и смелым, – закончили два голоса в унисон.

Добро пожаловать в Вестерн

Бадди сидел на корточках и, пытаясь сохранить равновесие, опускал попеременно руки в воду. Держал их там секунд тридцать, а когда голубой холод воды превращался в жаркое покалывание, выдёргивал руки.

Услышав шаги Ирен, он вскочил. Привычка, доставшаяся ему из мира девятнадцатого века – вставать при виде дамы.

– Останешься? – спросила она, привалившись спиной к одному из деревьев, в изобилии растущими на берегах горной речушки.

Бадди вновь присел на корточки, пожал плечами.

– Ты всегда приходишь сюда, когда хочешь подумать, – Ирен замялась. – Опять, да?

Бадди кивнул.

– Ты же знаешь дня два-три – не больше.

Он спиной почувствовал, как она смотрит на него. Выжидающе, встревожено, почти испуганно.

Такие как он не заводят семьи, не оседают на одном месте.

Такие как он всегда в движении.

Даже против своей воли.

– Я буду ждать.

Он прошел по длинному, бело-стальному коридору, тер-

пеливо дождался, пока специальный пар обработает его одежду и кожу, не поморщившись, протянул руку для инъекции, равнодушно мазнул взглядом по надписи «Добро пожаловать в Вестерн».

– Добро пожаловать в Вестерн, – госслужащий облаченный в штаны телячьей кожи и рубашку с расстегнутым воротом выглядел комично. – Ваше имя, сэр?

Бадди молча протянул документы.

Служащий аккуратно ввёл сведения в компьютер, дежурно-вежливо улыбнулся, протягивая бланк заявления на гражданство

– Ознакомьтесь, заполните и подпишите. Спасибо за то, что выбрали наш город. У нас самая чистая природа и самая дружелюбная атмосфера.

Он хмыкнул. Естественно самая чистая – он посмотрел в герметично закрытое окно.

Куда не кинь взгляд всюду редкие островки травы, небо и перекасти-поле. Равнодушное коричнево-зеленое море под необъятным бледно-голубым небом.

Он плохо помнил уроки истории, но был на сто процентов уверен, что понимание Дикого Запада у дизайнеров и архитекторов этого города были гипертрофированы.

И этот законный Запад ему не нравился.

Что ж, к очередному заданию надо подойти философски, в конце концов, он здесь не жить собирается.

– ... напоминаю вам, – выдернул его из созерцания уны-

лого пейзажа голос госслужащего, – напоминаю, что на основании вступления в совершеннолетие, а так же пройденных на основании этого тестами, – клерк на секунду умолк, переводя дыхание.

«На основании вступления в совершеннолетие» – успел удивиться Бадди, – «Выдумают же...»

– ... мы предоставляем вам гражданство на неопределённое время, – госслужащий понизил голос, – то есть до конца вашей жизни.

Бадди кивнул и вдруг решил спросить.

– И что? Город добровольно еще никто не покидал?

Клерк поднял брови.

– Нет, сэр, что вы. Да это и невозможно!

– Так ли невозможно? – Бадди старательно сделал вид, что удивился не меньше служащего. – А я слышал про путешественников.

– Пу-те-шест-вен-ников? – по слогам, словно пробуя на вкус это слово, переспросил клерк. – Что вы, сэр, это не более чем легенды.

– Но у нас в школе...

– Это не более, чем легенды, – с нажимом повторил служащий. – Люди, свободно пересекающие границы и имеющие возможность посещать другие города – миф. С две тысячи четыреста пятьдесят второго года, если быть совсем точным. Теперь каждый живет в той атмосфере, в которой ему комфортнее по результатам тестов...

– ... и на основании вступления в совершеннолетие, – закончил Бадди, – я помню.

– Никаких глобальных войн, никаких массовых эпидемий, никто не покидает выбранный город, проникнуть же в него можно один раз в жизни на...

– ... на основании тестов и вступления в совершеннолетие, – вновь закончил Бадди.

– Именно, – улыбнулся госслужащий. – Император всея Земли сделал правильный выбор, дав людям заниматься только тем, чем они хотят, жить в том мире, который считают для себя наиболее комфортным; лишив возможности возникновения конфликтов на основании разницы менталитетов и предпочтениях в образе жизни, создав целую систему автономных городов – мини-цивилизаций, покрытие специальными сверхпрочными куполами, они...

– Знаю, по истории у меня высший бал, – прервал Бадди рассуждения клерка.

Надо же хоть как-то придерживаться легенды. В фальшивом аттестате у него действительно напротив графы «История цивилизаций» стояло «отлично». Кроме имени и фамилии в этих бумагах поддельной была каждая фраза.

– Конечно, сэр, – с готовностью согласился клерк, стуча по клавишам компьютера. – Так, вакцинацию и санобработку вы прошли, третья дверь налево – кабинет психолога. Не волнуйтесь, с вами чуть-чуть поговорят, немного скорректируют память, а так же расскажут об особенностях жизни

в нашем городе, внушат некоторые необходимые в данных условиях жизни навыки. Потом вы проследуете на первый ярус, там вам выдадут вещи на первое время и оружие. Вот ваш вид на жительство и гражданство. Добро пожаловать в Вестерн.

Бадди отказался от услуг дилижанса, кучер которого малялся у дверей Входа (Регистрационный пункт новоприбывших так и назвался «Вход в город». Выход не предусматривался), поэтому, когда он добрался до поселения, уже стемнело.

С трудом разобрав адрес, указанный в виде на жительство, он подошел к небольшому деревянному дому.

Некогда вытоптанная до каменной твёрдости дорожка заросла травой. Входная дверь приоткрыта и чуть поскрипывает от подрывов ветра, гулявшего по пустому дому. Он осмотрелся. Похоже, здесь уже давно никто не жил.

Не без опаски, он зашел в дом. Половицы скрипнули, ветер колыхнул обрывки занавесок на окнах, он окинул взглядом пустую комнату и... впервые ощутил тяжесть револьвера в кобуре. Поддавшись внезапному порыву, молниеносно вытащил его и произнёс:

– Стул. Бадди Стул.

Смутившись своего импульса, он убрал оружие. Плотно закрыл дверь, для мнимой надежности подпёр её стулом.

Звякнуло стекло, послышался глухой удар, и в стену, пролетев в нескольких миллиметрах от уха Бадди, вонзилось длинное узкое лезвие ножа.

Увидев нож, он быстро упал на пол, выхватил револьвер и подполз к окну, внимательно оглядел залитый лунным светом дворик.

Никого. Спокойно – ни намека на движение.

Внезапно темная тень за деревом шевельнулась. Рывкнул выстрел. Пуля взвизгнула у виска.

"Шоук и Макланахан" Бадди ответил тем же.

Ночной незнакомец глухо захрипел и упал. Ночь вновь стала безмятежной и тихой.

Бадди поднялся, выбил остатки стекла и, перепрыгнув через подоконник, чуть не встал на тело нападавшего.

Для верности ткнул револьвером в спину – не реагирует. Присел, приложил пальцы к шее – не дышит. Перевернул – пуля попала прямо в живот нападавшего. Чуть выше массивной пряжки.

Бадди скрипнул зубами. Милый городок, не успел приехать, а уже на его счету один труп.

Затем он достал из кармана незаконно пронесённую на территорию города фотографию, внимательно вгляделся в лицо несостоявшегося убийцы. Убедился, что на фото совсем другой человек – не его объект. Облегченно вздохнул и вновь выругался.

Еще никогда он не чувствовал себя так близко к провалу.

Офис маршала, вопреки ожиданиям Бадди, находился в самом конце поселения и представлял собой одноэтажный деревянный дом. Зарешеченные окна которого давали понять, что в этом же хлипком здании располагается тюрьма.

Ногой распахнув дверь, Бадди протиснулся в приемную и скинул с плеч тело ночного нападавшего прямо перед маршалом, закинувшим ноги на стол. Рядом с дверью стояла деревянная пирамида с ружьями.

Увидев ношу утреннего гостя, маршал встал, сплюнул на пол, достал самокрутные сигары, молча протянул Бадди. Тот мотнул головой.

– Новенький? – хрипло поинтересовался маршал, закурил.

Бадди кивнул.

– Ничего – привыкнешь, – маршал пнул тело ночного гостя. – А ты – ничего, меткий. Бронко Рэд любил подшучивать над приезжими. Ты откуда, приятель?

– Сектор два, школа восемьдесят три, – ответил Бадди.

Маршал удивленно поднял кустистые брови.

Бадди мысленно чертыхнулся. Не первый день работает, а второй прокол за сутки.

– Санта-Алта, – вспомнил он место из внушённых воспоминаний нового жителя Вестерна.

Маршал кивнул.

– Слыхал, у вас там живут отъявленные головорезы. Значит, не пропадешь, – он хлопнул Бадди по спине. – Добро пожаловать в Лэнду. Умеешь объезжать лошадей?

– Здесь много городов по близости? – Бадди проигнорировал последний вопрос.

Маршал нахмурил лоб.

– Санта-Лиз в двадцати милях к северу, Монтрей на юге, Асана – столица, на западе. Из крупных городов, пожалуй, и всё. А! Еще резервации индейцев на северо-западе, но о них что-то никто в последнее время не слышит. Окочурились они там все, что ли...

Бадди кивнул, автономные города-миры редко когда занимают площади больше. Исключением, пожалуй, является только Элерия – мир фантазийных рас.

Бадди кинул взгляд на наручные часы – еще одна незаконная вещь в этом древнем мире дикого Запада.

– Сэр, – начал было Бадди.

– Тайлер Лэнг, маршал Лэнду, – он протянул Бадди руку.

Тот ответил на рукопожатие, продолжил:

– Мистер Лэнг, вы знаете всех приезжих?

Маршем внимательно посмотрел на Бадди, нахмурился:

– Приятелей ищешь? Тут за последние несколько месяцев компания объявилась. Преступники и убийцы.

– Я от них не далеко ушёл, – усмехнулся Бадди кивнув на тело Бронко Рэда.

– А-а, – протянул маршал, – брось! Это самозащита. В

этом городе ты сначала стреляешь, а потом уже задашь вопросы.

– Так что на счет банды? – заинтересовался Бадди.

– Главный у них там Бобби Фишер. Его портеры по городу развешены. Начал как конокрад, теперь, говорят, грабит поезда с золотом. Не знаю, парень, держался бы ты подальше от таких друзей.

Бадди вышел от маршала и глубоко вдохнул горячий воздух. Бесконечные прерии дышали гармонией и мнимым спокойствием. Постояв немного, он подошел к пожелтевшему плакату с надписью «wanted», достал фотографию.

Что ж – объект обнаружен, дело за малым.

Не успел Бадди обдумать план, как сзади раздалось приглушенное лошадиное ржание. Он медленно обернулся.

К офису маршала на белой лошади подъехал мужчина. Поравнявшись с Бадди, он остановился и слез с седла.

Одежда и сапоги его были в пыли, рукава на выцветшей рубашке закатаны.

– Значит новичок? – спросил мужчина, сплёвывая сквозь кривые коричневые от табака зубы.

– Значит, да, – подтвердил Бадди.

– Что ты здесь вынюхиваешь, щенок?

Бадди только хотел ответить, как мужчина врезал ему. Бадди отшатнулся, едва удержавшись на ногах, и схватился

за револьвер.

Белая лошадь встала на дыбы и рванула с места, но не в город, а в прерии.

Бадди стоял с револьвером в руке, а его недавний собеседник лежал мертвый у ног.

Чёрт бы побрал этого психолога у Входа! Собачья работа! Заложенные гипнозом навыки сохраняются надолго, а в первые месяцы после внушения так вообще являются доминирующими и безусловными, как рефлексy. Слава всевышнему, что хоть память у Бадди после всех этих чисток и программирований не подводит, а то одним головорезом в этой мини-цивилизации стало бы больше.

Нахожу объект и уматываю отсюда ко всем чертям, думал Бадди, затаскивая тело мужчины в офис маршала. Пускай опознает и утилизирует сам. Додумались бы как в Элерии вместо архаичного оружия использовать замаскированные бластеры, не мучались бы с телами.

Как только Бадди переступил порог дома, сильный удар по голове сбил его с ног. Упав на живот, он не спешил подниматься, слегка повернул голову и сквозь чуть приоткрытые веки, наблюдал за тем, как высокий, смуглый юноша подтягивает к себе толстую верёвку лассо.

«Вот уж никогда не думал, что петля лассо бьет не хуже дубинки», – запоздало удивился Бадди.

Юноша тем временем смотал лассо и видимо решил, что Бадди в отключке.

Одну руку Бадди незаметно положил на приклад карабина. И тут же отдёрнул. «Чёртовы рефлексy! Не хватало еще объект убить».

– Эй ты! – парень пнул Бадди. – Сдох что ли?

Бадди, только и ждавший момента, когда объект подойдёт ближе, мгновенно перевернулся, схватив того на ногу, уронил на пол, с глухим ударом приложил головой об пол. Удар был сильным и при других обстоятельствах размозжил бы голову соперника, но доски пола мыли мягкими, местами прогнившими, поэтому парень лишь потерял сознание.

Бадди вновь выругался. Ему совсем не нравился тот человек, в которого он усиленно превращался в этом городе сумасшедших ковбоев, бравирующих лишь тем, сколько подонков им удалось замочить.

Конечно, приятно ощущать себя одним из избранных, одним из тех, кто не чувствителен к процедуре, корректирующей память прошедших двадцати трёх лет до выбора города проживания и заменяющую её новыми знаниями, помогающими человеку выживать в новом для него мире.

Не менее приятно путешествовать по различным обособленным городам-мирам, ненадолго вырываясь из привычной жизни города неопределившихся и больших чиновников, для которых важно не терять здравомыслие. Но из каждого мира он стал выносить гораздо больше, чем вначале

предполагал. И вот теперь – внушенные рефлексы первоклассного стрелка придётся выжимать из себя по капле примерно полгода, а еще тянет сесть на необъезженную, вздымающуюся на дыбы лошадь!

Небо заволокло тучами. Бадди слез с лошади, которую нашел привязанной сзади дома и которая, по видимому, принадлежала смуглому парню, и прислушался к своим ощущениям. Нет, ещё не близко. Примерно миль пять, а то и все шесть к югу.

Прищурившись, оглядел прерии. Тот же унылый пейзаж, что и час назад.

Где-то вдалеке, у горизонта, сверкнула молния.

Через несколько секунд она ударила в сухое деревце неподалёку. Бадди впервые видел такую грозу – без дождя и с невероятно толстыми, изогнутыми молниями.

Надо же, подумал он, а я ведь как эта молния – всегда точно попадаю в цель, как далеко бы она не находилась. И имя той цели «Выход».

Пленник очнулся ближе к вечеру. Связанный по рукам и ногам своей же верёвкой и заткнутым кляпом ртом, он рьяно зашевелился и задрыгался.

– Ты, парень, не дрыгайся, вырублю до конца нашего пу-

тешества, а для тебя это чревато,— негромко сказал Бадди. — А сейчас я вытащу кляп, и ты будешь со мной предельно вежлив, усёк?

Парень мотнул головой, что, очевидно, означало несогласие, но Бадди, тем не менее, вытащил кляп. Объект грязно выругался.

Бадди, не обращая никакого внимания на его угрозы, достал навигатор. Завал в систему координаты, подождал пару секунд и стащил парня с лошади. Словно набитый мешок тот глухо ударился о землю, но ту же вскочил на ноги. Бадди направил на него револьвер.

— Иди впереди меня, строго на юг, — Бадди сверился с навигатором. — Ровно десять шагов. Ну?

Для верности ткнул его между лопаток дулом.

Парень вновь выругался и сделал шаг.

Горизонт колыхнулся, покрылся сетью мелких трещинок и разводов. Небо вздрогнуло и просыпалось на землю миллиардами пёстрых осколков.

Пленник в растерянности оглянулся, вмиг позабыв о револьвере Бадди.

— Что это? — спросил он нормальным голосом, без напускной ковбойской бравады.

— Запасной выход, — Бадди подтолкнул его. — Ну? Ещё девять шагов.

Когда они вошли в узкий белый коридор, абсолютный близнец коридора, предвещающего вход в город, Бадди достал ампулу, отломил кончик и произнёс:

– Открой рот.

Ошарашенный случившимся, парень послушно открыл рот.

– Теперь отдыхай, – Бадди похлопал его по плечу и усадил на пол, заботливо прислонив к стене, не снимая веревок.

Через двадцать минут парень открыл глаза и удивленно посмотрел на Бадди.

– Где я?

– Пока нигде, – ответил Бадди, развязывая его руки.

Теперь, когда блокировка на память снята, а снующие по телу парня нанороботы поглощают наркотик, распыляемый в воздухе всех автономных городов, чтобы их жители не догадывались об искусственности и обособленности их мира, объект был не опасен. Рефлексы, конечно, у него останутся, да и головная боль, скорее всего, пройдёт только через пару лет, но главное – задание почти выполнено. Осталось доставить этого типа к мамочке с папочкой под уютный бочек. Не зря же они столько денег вбухали только для того чтобы разыскать Бадди. А он, между тем, не самый легко разыскиваемый путешественник. Да и способности его не располагают к всеобщей афишированности.

Бадди сидел на берегу речушки и строгал себе новую трубку. Ему казалось, что эти два дня проведенные в Вестерне были самыми долгими за все пять лет его работы. «Бросать надо её» – вновь подумал Бадди. И за все пять лет подумал об этом совершенно серьезно.

К тому же скоро он уже по возрасту не сможет выдавать себя за человека, только перешагнувшего порог совершеннолетия. Он всегда выглядел молодо для своих лет, но не до такой же степени.

Бадди поднял голову и вдруг заметил яркую синь неба и лучащиеся белизной облака. За два дня он и позабыл, что небо может быть таким... насыщенным, а не выцвешенным.

Ирен подошла тихо, остановилась в паре метров от него.

– Выглядишь усталым, – её голос тихий и родной, прозвучал в унисон плеску волн.

Бадди обернулся. Высокая, как всегда невозмутимая и уверенная, она выглядела как будто старше и еще красивее.

– Оставайся, мы с тобой будем жить здесь, как средневековые феодалы. Речка под боком, до леса рукой подать. Когда власти додумаются искать тебя здесь, мы уже состаримся.

– А если найдут раньше? – Бадди отложил нож. – Мне опять придётся уйти и вытаскивать всяких сынков и дочерей богатых, властимеющих недоумков и вытаскивать их из городов, которые те сами и выбрали. Они хорошо платят, но мне плевать на деньги, я делаю это ради свободы.

– Ты единственный из путешественников можешь обнаружить запасной выход за рекордно короткое время, – мягко произнесла Ирен. – Неужели ты не найдешь выход из этой ситуации?

Бадди помолчал.

"Никогда не вынимай револьвер, если не собираешься стрелять и никогда не стреляй, если не собираешься убивать".

Нет, он ничуть не похож на молнию, он – всего лишь железка, притягиваемая к магниту. И возвращался он только потому, что его магнит обещал ждать и ни разу не нарушил своё обещание.

Что ж...

– Я остаюсь, – просто произнес он.

До чего же серое

Город тонет в мрачных киноварных оттенках. Солнечные лучи – острые, ядовито-алые – раскаленными иглами целятся в автомобильные стекла, в случайных прохожих.

Ещё чуть-чуть и готовящиеся ко сну улицы заливаются темной кровью.

Осень. Холодно.

Немеют пальцы.

С трудом поворачиваю голову. За окном скорой мелькают деревья. На фоне свинцового неба их переплетенные ветви кажутся огромной и страшной сетью.

Сетью накинутой на теперь далёкий, но по-прежнему любимый город.

В горле стоит ком.

Пытаюсь сглотнуть. Не выходит. Поднимаю руки. Пальцы нащупывают интубационную трубку. Где-то вне поля зрения мерно шумит аппарат искусственной вентиляции легких.

– Не-ет.

Вырывается лишь тихий сип.

Сердце колотится. Вот-вот выпрыгнет из груди.

– Тихо, тихо, – чей-то спокойный голос. И холодные, твердые, словно стальные пальцы касаются плеч.

Придерживают.

Не даются вырваться из стерильного плена трубок и теку-

щих по ним лекарств.

Я знала, что они придут.

На моём холодильнике зелёным магнитом-яблоком было прикреплено просроченное направление на анализы.

Чёрным по белому: «Тест на выявление вируса депрессии».

Я знала.

Но когда раздался звонок в дверь, сердце оборвалось.

– Тихо, тихо.

Я дернулась, когда иголка проникла под кожу.

«Нет, не надо», – хотелось крикнуть. – «Я обещаю исправиться. Я обещаю.... Пожалуйста-а».

Два дня назад, когда я впервые почувствовала грусть, коллеги лишь сочувственно покивали головами: мол, осень, погода испортилась, с кем не бывает. А когда поняли, что моё состояние не меняется, вызвали инспектора.

Высокая, тощая тётка, вся какая-то бесцветная и угловатая, с застывшей вежливой улыбкой на лице измерила температуру, давление, сняла психо-эмоциональную диаграмму. К вечеру меня вызвал заведующий лабораторией и, пряча глаза, протянул направление на анализы.

Его «до встречи», сказанное на прощание, звучало преувеличено бодро, и от этого ужасно фальшиво.

Направление на анализы. Мы оба понимали, что это значит.

Я не удивилась бы увидев, как, закрыв за мной дверь, он брезгливо протирает руки антибактериальным лосьоном и набирает номер Санитарной инспекции с просьбой провести полную дезинфекцию своего кабинета, а то и всего здания.

Эпидемии депрессии никому не нужны.

С зараженными никто не церемонится.

Ната рассказывала – моих родителей забрали прямо с работы. Не дали ни с кем попрощаться.

Мне исполнилось два года. Инспекторы тогда, проведя ряд тестов, признали меня «временно свободной от вируса» и отдали на воспитание Нате.

Ната мне не родственница и даже не знакомая моих родителей. Просто молодая женщина, у которой недавно забрали сына, неизвестно где и как подцепившего совсем недетский вирус.

Сейчас осень – обострение.

Нату забрали неделю назад. В магазине она пожаловалась продавщице на плохое настроение и усталость. А на выходе её уже ждала бригада.

В последнее время люди стали весьма подозрительны. Случаи спонтанного возникновения очагов депрессии стремительно увеличивались.

И каждый день по телевизору рассказывали про беженцев. Показывали ужастные кадры их задержания. Рассказы-

вали про новейшие методики выслеживания и идентификации сан-преступников.

Участились внеплановые проверки.

Процедура задержания не явившихся, похоже, была отработана до мелочей.

Фамилия, имя, отчество?

Были уведомлены о направлении?

Неявка была добровольной?

После чего меня посадили в неприметный фургон скорой помощи, закатали рукав... и темнота.

Когда я в следующий раз открыла глаза, в них нещадно бил яркий свет.

– Как вы себя чувствуете? – тот же вежливый, отстраненный, холодный голос.

– Где я? – слова даются с трудом, горло саднит.

– В клинике Святого Ельма. Не беспокойтесь...

Я в больнице? Но ведь зараженных ликвидируют. Вирус депрессии не излечим. Если только не... О, боже! Нет!!

Вновь скатываюсь в темноту.

Перед глазами серая больничная стена. Окунаю кисточку в краску и размазываю ярко-красную масляную кляксу.

– Ты – тоже?

Рукав пижамы осторожно трогает девочка.

Киваю, не поднимая глаз.

Что тут скажешь?!

– По телевизору говорили, что зараженных, не лечат, – вздыхает девочка.

– Да, – откладываю кисть, поворачиваюсь. – Тебе... – запинаюсь, – весело?

– Нет, – у неё огромные синие глаза. – Но ты им не говори об этом. Если я притворюсь... Может быть тогда я увижу маму?...

Вновь киваю.

Ей не обязательно знать, что нас отсюда никогда не выпустят. И уж совсем ни к чему знать, что кровь, которую ежедневно берут у нас якобы для анализов, нужна им для приготовления сыворотки.

Первого в мире универсального средства против грусти, действующего лишь на неподверженный заражению организм.

Средства, извлекаемого из крови больных на ранней стадии, когда в организме еще содержится необходимый для сыворотки ингредиент. Становятся понятными и эти интубационные трубки, и реанимобиль – всё для того, чтобы не дать умереть желанию бороться за жизнь. Не дать умереть надежде.

Всё ради лекарства, формула которого была выведена

мной всего полгода назад. И которая официально была признана несостоятельной и мало осуществимой.

Огромная красная капля, похожая на раздавленного комара напившегося крови, срывается с кисти на пол.

Яркое пятно на сером бетонном полу, плавно перетекающим в такие же пепельные стены. И небо за толстыми решетками. Тусклое, сумрачное небо.

Серое.

Господи, ну до чего же серое.

Класс V

Подача питательных смесей отключилась, с легким шипением трубки скрылись в отверстиях анабио-камеры. Некоторое время Стас лежал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.